

Александр Юрченко

Как просто стать богом

Криком огласилась в эту звездную ночь кривая улочка Назарета, ведущая к старому кладбищу саддукеев*. Сплошь составленная из бедных глинобитных домиков, она была так плотно увита плющом и виноградом, что всемогущий Яхве** при всем желании не смог бы с высоты небес рассмотреть грязь и нищету, царившие здесь.

Кричали у Левия, сборщика податей...

Крик исходил из приоткрытой двери его дома, единственной приоткрытой двери во всем городке – время было беспокойное, и ночью все жители Назарета закрывались на тройные запоры, ограждая себя от непредвиденных обстоятельств, а они здесь возникали ежедневно, если не сказать больше – ежечасно.

Народ, доведенный до отчаяния бедностью, жил в ожидании спасительного чуда, о котором не говорилось открыто на улицах, но которого в каждом доме ждали как манну небесную. То и дело по каменистой земле Палестины проходили проповедники, возвещавшие о приходе мессии, который спасет народ от вопиющей нищеты. Согласитесь, прожить семье из семи человек на три горсти зерна в день было сложно. Иссохшая земля уже не давала по три урожая в год, как раньше, ручьи, бежавшие с гор, высохли, каналы обмелели, да и сам Иордан уже можно было перейти вброд, не замочив полы платья. Изможденную, потрескавшуюся на почти правильные квадраты землю не брали не то что бедняцкая мотыга, даже острый плуг богатого иудея.

* Саддукеи – проримски настроенная общественная верхушка иудейского общества, требовавшая строго соблюдения установлений, записанных в Библии.

** Яхве – иудейский бог.

Власти, боясь ропота толпы, избавлялись от проповедников как только могли, сея повсюду ужас и неверие в судьбу.

После ужасной казни одного из них, по имени Иоанн и по прозвищу Креститель, многие ученики отреклись от него. Так, Лука, слугитель Первосвященника*, чудом спасшийся от разъяренной толпы саддукеев в крепком доме своего господина, первым был вынужден раскаяться и отказаться от слов Учителя. Хотя и видел он многих из своих преследователей смывающими грехи в священных водах Иордана.

Косматая голова Иоанна, посаженная солдатами Ирода Антипы на один из кольев в заборе, окружавшем дворец правителя Галилеи, лучше всякого указа наводила трепет на толпу. Больше даже, чем тысячи распятых на крестах жителей Иудеи, Самарии и Галилеи, осмелившихся роптать против насилия Рима и местных властителей, и чьи мучения волновали теперь разве что стаи воронья и одиноких голодных грифов, летавших вдоль дороги в ожидании легкой поживы.

Многие, многие уже в душе изменили проповеднику. Оставалось лишь действием подтвердить перемену образа мышления.

В числе таких был и Левий, сборщик податей.

Крепко сдавив ладонями лысеющую коротко остриженную голову, оперев давно небритый подбородок о краешек стола, думал он свою изменническую думу, а слова Иешуа**, встреченного вчера у колодца, так и лезли в голову, упрямо и непослушно, не давая сосредоточиться и облачить план предательства в красивые одежды.

«Прежде всего, – думал Левий, – принесу в жертву Яхве ягненка».

Неотвязчивые слова Иешуа снова подступили к нему: «И наступит изобилие плодов земных, и прекратится вражда животных меж собою, и все они будут доступны человеку».

«Нет, – лезла в голову дерзкая мысль, – обойдется Яхве. Пусть подрастет ягненок. Как прокормлю потом эту ораву?»

Он окинул взглядом небольшую комнату, где на глиняном полу на циновке спали его дети – мал мала меньше. Бодрствовали

* Первосвященник – главный сан священника в иудейской религии.

** Иешуа – еврейское произношение имени Иисус.

только две дочери, они были чуть постарше других, и им разре-
шалось отходить ко сну позже.

«Добр, добр Иешуа, – думал Левий, – не сможет он так же, как
Иоанн, гневно обличать саддукеев и фарисеев*** – одних в роско-
ши, других в лицемерии».

Где-то на улице скрипнула дверь...

Жена, кормившая восьмимесячного наследника Левия, спря-
тала грудь и положила младенца в колыбель. Это был
восьмой ребенок в семье сборщика податей и первый мальчик,
поэтому внимание к нему было особенное – всеобщее и самое
пристальное.

Старшая дочь, в обязанности которой входило проверять
состояние ребенка после кормления, радостно воскликнула:
«Иаков отрыгнул!».

«Слава Богу, – обрадовался Левий. Тревожные мысли не ме-
шали ему добросовестно исполнять обязанности главы семьи,
вовлекаясь в каждую радостную мелочь. – Значит, накормлен
досыта».

Младшая, любившая сидеть около засыпающего брата, по-
ложила головку на колыбель и слегка покачивала ею в такт бие-
нию сердца, помогая мальчику заснуть покрепче. Делала она это
не совсем бескорыстно, так как Иаков, как и полагалось всеоб-
щему любимцу, был капризен, криклив и часто не давал никому
спать по ночам. Кроме того, мерное покачивание навевало на нее
весьма крепкий сон, и девочка так привыкла к этому, что уже
не могла заснуть, не выполнив до конца ежедневный ритуал.

– Как крепко заснул! – прошептала она счастливо.

Но и этот тихий шепот не пролетел мимо ушей Левия.

С минуту в комнате стояла глубокая тишина. Слышно было,
как лают собаки на кладбище. Левию почудился легкий порыв
ветра за окном.

«Возможно, принесет тяжелое облако, и оно прольется дож-
дем», – подумал он.

Все как будто ждали чего-то. Но ничего не происходило.

*** Фарисеи – представители религиозного течения (в основном, средние
слои общества), выступавшие за чистоту иудаизма, против контактов
с чужеземцами.

Девочки начали укладываться спать, а Левий продолжил борьбу с назойливыми мыслями.

Уставшая от бессонных ночей и бесконечных домашних забот, верная Эсфирь наконец-то сама решила подойти к сыну, чтобы поцеловать своего любимца и совершить над ним молитву. Несколько секунд она молча постояла возле колыбели в ожидании услышать мерное дыхание Иакова, губы ее привычно нашептывали слова благодарности Яхве. Шорох ветра за окном мешал ей, и Эсфирь нагнулась к мальчику ниже.

Маленькая согбенная фигурка жены вызвала сочувствие у Левия.

«Откуда только берется молоко в этой иссохшей груди?» – подумал он.

Истощенный крик Эсфири прорезал воздух в комнате. Казалось, он расколол небо пополам, и яркие звезды, посыпавшиеся в дымоход, перевернули дом вверх ногами.

В одночасье комната наполнилась звуками...

Левий вскочил, с грохотом опрокинул лавку, в два прыжка достиг середины комнаты, но, попав одной ногой в медный таз для мытья, растянулся во весь рост поперек лачуги. Встав на колени посреди выплеснувшейся воды, он, отчаянно жестикулируя, отчитывал жену:

– Что же это такое, Эсфирь! Что мешало тебе поставить таз в угол комнаты? Когда же в доме будет порядок?

Младшие дети, уже спавшие и разбуженные криком и грохотом, испуганно заголосили.

– Наш мальчик умер... – едва выговорила Эсфирь, глотая слезы и дрожа всем телом.

– Что? – взревел Левий.

– Левий, ты слышишь, наш мальчик умер, – шептала Эсфирь, глаза ее безумно блестели в полутьме.

Левий вскочил, оттолкнул жену, склонился над колыбелью и прижался ухом к тельцу.

Старшая дочь, вытиравшая лужу на полу, в испуге выронила тряпку и бросилась к двери.

– Мой мальчик... – Левий сделал два шага по направлению к жене. Глаза его бешено вращались.

– Может, скорпион укусил его? – предположила младшая из старших дочерей.

Левий раскинул пеленки и внимательно осмотрел сына. Тельце его быстро холодело.

– Мой сын! – в ужасе закричал Левий, сдавливая виски ладонями. – Мой единственный сын!

Какое-то время он стоял, раскачиваясь, как бы в забытьи. Потом выхватил из-за пояса кинжал, бросился к жене.

– Это ты убила его! Отродье гиены! Ты перекормила его! Ты заснула и перекормила его!

Дети встали перед ним и матерью стеной. Теперь уже кричали все: и Эсфирь, и Левий, и дети.

Никто не слышал и не видел, как вошел Иешуа. В то время в самом разгаре было восстание zelотов и сикариев, и двери хижин запирались тщательнее обычного. Левий в дальнейших своих сбивчивых рассказах так и не смог объяснить, как же все-таки Иешуа появился в комнате. Возможно, дочь, перепугавшись до смерти, хотела выбежать наружу.

Он стоял посреди комнаты... Невысокого роста, страшно худой, если не сказать тощий, Иешуа стоял, протянув правую руку в сторону колыбели, и как будто силился сказать что-то. Слов не было слышно, но это немое воздействие оказалось настолько сильным, что все сразу перестали кричать.

– Иешуа, помоги мне, – прохрипел Левий. – Если можешь, помоги мне.

– Я и пришел на эту Землю, чтобы помогать, – изрек Иешуа. – Помогу и тебе, Левий, если Богу будет угодно.

Он подошел к колыбели, пристально взглянул на младенца, взял его за безжизненные ручонки и стал делать ими движение от бедер мальчика к его изголовью. Потом, надавив рукой младенцу на грудь, совершил несколько толчкообразных движений ладонью. Прижав голову к груди Иакова, Иешуа прислушался, а затем приник устами к устами малыша.

Эсфирь и дети, став полукругом возле кровати, с надеждой смотрели на странные действия пришельца. Левий безучастно сидел возле приоткрытой двери. Кинжал его по рукоятку был вогнан в глиняный пол.

– Он забирает у брата последний вдох, – заметила старшая дочь.

– Нет, он вдыхает в нашего мальчика жизнь, – прошептала изумленная Эсфирь, увидев, что тело Иакова начало розоветь.

– Воскрес! – вскричал Иешуа взволнованно.

– Воистину воскрес, – прошептала младшая дочь.

И еще раз крики, теперь уже радостные, огласили узкую улочку Назарета.

Даже кладбищенские собаки удивленно смолкли, не понимая, кто еще кроме них может господствовать в этой ночи.

Звезды снова заполнили небо, и одна из них, наиярчайшая, висевшая прямо над самым дымоходом, свидетельствовала о рождении чуда. Чуда, которого уже давно ждал весь народ иудейский.

